

Аиша Хассан

Когда
ТАНЦУЮТ
СВЕТЛЯЧКИ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х24

Aisha Hassan
WHEN THE FIREFLIES DANCE
Copyright © Aisha Hassan, 2025
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Натальи Буравовой

Серийное оформление и оформление обложки
Татьяны Гамзиной-Бахтий

Хассан А.

Х24 Когда танцуют светлячки : роман / Аиша Хассан ; пер.
с англ. Н. Буравовой. — М. : Иностранка, Издательство
АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Иностранка. Роман с историей).
ISBN 978-5-389-30669-1

Лаллу с детства мечтает вырвать свою семью из долгового рабства в бхатти — кирпичном заводе в Лахоре, где его родители, как и многие другие жители Пакистана, безуспешно пытаются погасить непомерный, постоянно растущий долг, передающийся «по наследству» из поколения в поколение. После трагической гибели старшего брата он устраивается водителем в богатую семью, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Но когда отец заболевает, а сестра собирается замуж, денег начинает катастрофически не хватать. Ради спасения родных Лаллу готов на все: от унижительных просьб до шантажа и воровства.

Роман вскрывает гнилую изнанку общества, в котором кастовая система и коррупция на всех уровнях превращают жизнь бедняков в смертельную ловушку.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Б. Буравова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-30669-1

Глава первая

Красная суглинистая почва вокруг *бхатти*¹ отлично подходила для изготовления кирпичей. С каждым шагом мелкая пыль оседала на Лаллу, словно усталость, — сначала на сандалиях, затем на шальварах, поднимаясь по всему телу. Пока дойдешь до хижины родителей, белый *шальвар-каميز*² полностью покроется красной пылью.

Это была самая окраина города, заброшенная, забытая и убранный подальше с глаз. Если бы он сам не прожил здесь четырнадцать лет, то никогда и не узнал бы о ее существовании, но вычеркнуть из памяти уже не мог. Добираться от центра шумного Лахора пришлось долго — с тремя пересадками на маршрутках, идущих до окраин. Постепенно исчезли люди и здания, а в конце концов закончился даже асфальт, и маршрутки дальше не ходили. Словно достиг края света. От асфальтированной дороги отходила извилистая проселочная, прорезавшая пышные поля недавно взошедшей пшеницы, окруженные деревьями и кустарниками. Завернув за угол, эта проселочная дорога выходила к *бхатти* — зияющей ране на изумрудном фоне.

¹ Здесь: кирпичный завод, мастерская (*хинди*). — *Здесь и далее прим. перев.*

² Широкие штаны, сужающиеся книзу, и длинная туника с разрезами. Традиционная одежда Южной Азии, а с 1973 года национальная одежда Пакистана.

Землю здесь лишили всей зелени. Деревья, кусты, растения были выкорчеваны, выкопаны, уничтожены, и осталась красная бесплодная земля, кучи глины, груды кирпичей и гигантская дымовая труба. Она возвышалась более чем на сто футов, темная и зловещая, вечно извергая густой черный дым. Проходя мимо дымящего чудища, Лаллу почувствовал на себе его зловещий взгляд — взгляд того, от кого ускользнула добыча. «Ты вернешься», — шептало оно. Лаллу склонил голову, отказываясь смотреть вверх. Этот несчастный день и эта гнусная труба.

В ее тени тесно прижимались друг к другу глинобитные хижины с дырами вместо окон и дверей и крышами из гофрированного металла. Хижина его родителей притулилась последней в ряду. Отодвинув занавеску, висевшую в дверном проеме, Лаллу услышал глухие звуки. Удары. Сумерки еще не объяли деревню, но в комнате без окон было уже темно. Лишь через несколько мгновений его глаза привыкли к темноте, и он увидел мать, сидевшую на корточках перед глиняной стеной. Она раскачивалась взад-вперед и каждый раз ударялась об эту стену головой. Бух, бух, бух.

Лаллу бросился к ней, обнял, оттащил. Мать напоминала только что вылупившегося птенчика — беспомощная, бесценная и очень хрупкая. Уютно устроившись в его объятиях, она продолжала качаться. Он жаждал сказать, что позаботится о ней, зашьет разорванную ткань ее жизни и вытащит отсюда, но несчастная была не в состоянии слушать, и он знал, что... не сможет сдержать обещание. Джугну ведь не смог. И у Лаллу тоже не получится.

Шабнам сидела в тени всего в нескольких шагах, прислонившись к стене и обняв колени. Голова и плечи были закрыты *чадаром*¹. Лаллу позвал ее, и она подняла глаза, удивленная: погрузившись в свои мысли, не заметила, как он вошел.

— Она уже несколько часов вот так. — Шабнам подошла и коснулась руки матери, ее голос дрожал от беспокойства. — Я пыталась ее остановить.

— Темнеет, Шаб.

Сестра зажгла газовую лампу, которая не столько освещала укромные уголки пустой комнаты, сколько отбрасывала еще больше теней. Немногочисленная посуда и кастрюли лежали в одном углу, постельное белье аккуратно сложено в другом на утрамбованном земляном полу.

С улицы вошла Пинки. Ее *шальвар-камиз* был рваным и грязным, шерстяная шапочка на коротких волосах сидела криво, и девочка не шла стремительно, как обычно, а еле волочила ноги. Совсем еще ребенок, а уже понимает тяготы этой ночи. При виде брата глаза ее на мгновение вспыхнули, и она обхватила руками его шею. Лаллу неловко обнял сестру в ответ, все еще держа за плечи мать.

— Где *абу*²? — Работа на сегодня закончилась, и отец должен был уже прийти.

Шабнам пожала плечами. Пинки покачала головой.

— Иди сюда, побудь с *ами*³, — распорядился он, передал мать на руки Шабнам и вышел на улицу.

¹ Длинный шарф или платок, как правило теплый.

² Отец (*урду*).

³ Мама (*урду*).

Перед хижинами на красной земле рядами лежали идеально вылепленные кирпичи, жаждущие пропитаться солнцем. Но солнце неделями укрывалось серой *дупаттой*¹, оставляя видимым лишь силуэт и отбрасывая мрачный свет, тепло же оставалось скрытым. Лахор окутывал густой неистребимый смог, он проникал в одежду, в кости, заставляя Лаллу плотно кутаться в куртку, чтобы защититься от пронизывающего холода.

Услышав звук, он обернулся и пошел на него. Отец, держа в руке лопату, склонился над каким-то небольшим предметом на земле. Когда Лаллу приблизился, в далекой мечети ожил громкоговоритель, и муэдзин начал молитву.

— Аллах акбар, Аллах акбар...

Абу встал, словно отвечая на призыв к молитве.

— Аллах акбар, Аллах акбар...

Но вместо того, чтобы поднять руки к ушам, абу поднял над головой лопату. Муэдзин продолжал свидетельствовать, что нет бога, кроме Аллаха, а абу со всей силы опустил лопату в красную землю, словно все еще работал, готовил глину для кирпичей. Лаллу поспешил к абу, когда тот в очередной раз поднял свое оружие, открыв раздавленное безжизненное тельце воробья с поджатыми лапками. Муэдзин продолжал призывать верующих, абу снова поднял лопату над головой.

— Абу! — крикнул Лаллу, останавливая руку отца.

Тот поник и позволил Лаллу забрать у него лопату. Несмотря на холод, лоб отца покрывал пот, сте-

¹ Легкий тонкий шарф (*хинди*).

кавший по щекам. На нем был тонкий хлопчатобумажный *шальвар-камиз*, промокший на спине.

Дрожащим голосом *абу* проговорил:

— Это я привел всех нас сюда. Кровь сына на моих руках.

— *Ля иллаха иль алла*, — закончил муэдзин. От тяжелого дыхания *абу* воцарившаяся тишина казалась еще более гнетущей.

Лаллу медленно повел отца прочь и осторожно усадил на *чарпай*¹ снаружи хижины, который скрипнул под весом *абу*, затем принес ему стакан воды из глиняного кувшина в углу. *Абу* казался лишь малой, бледной частью того мужчины, каким был когда-то. У Лаллу задрожали руки. Та кровь была на руках у него, а не у отца.

Когда Шабнам вышла, Лаллу отвел ее в сторону.

— Как он? — спросила она, кивая в сторону *абу*.

Лаллу покачал головой:

— Как думаешь, может, в этом году не стоит туда идти?

У него пересохло в горле. Он говорил тихо, стараясь скрыть потрясение.

— Не идти? — Сестра недоуменно посмотрела на Лаллу.

Он боялся этого дня, но все оказалось даже хуже. Родители слабели с каждым годом.

— Посмотри на них, я не представляю, как они выдержат.

Девушка повернулась к хижине, и в угасающем свете дня вырисовался ее профиль. Лоб морщился сомнениями, пальцы теребили *чадар*, но выра-

¹ Веревоочная кровать.

жение лица казалось неожиданно спокойным. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал устало, как-то по-старушечьи, хотя сестра была старше всего на несколько лет.

— Они же и без того каждый день терзаются в этом ужасном месте.

— Да, но...

— Им это нужно, Лаллу. И именно сегодня.

Услышав их разговор, *абу* встал и посмотрел на них ясным, решительным взглядом.

— Пойдем. — Это был приказ.

Шабнам и Лаллу обменялись взглядами. Пинки раздвинула занавеску в дверном проеме и вышла из хижины, держа мать за руку, и все зашагали вперед. По дороге Лаллу снял куртку и попытался накинуть *абу* на плечи, но отец отмахнулся.

Джугну¹ очень любил кормить воробьев. Кусочек *наана* или *роти*², да хоть ложку риса: он оставлял им частичку всего, что ел сам. А накормив, прогонял. И любил наблюдать, как они улетают, пикируя и паря в бескрайнем небе. А теперь? Лаллу вздрогнул. Давешние глухие удары лопаты *абу* по птице не давали ему покоя.

Они прошли мимо соседних хижин, которые уже погрузились во тьму. Привыкшие к мягким зимам и удушающей летней жаре Пенджаба, жители деревни были плохо подготовлены к таким условиям.

Когда он проходил мимо кучи мусора, сваленной за хижинами, порыв ветра подхватил резкий запах и обрушил на Лаллу, вызвав у него тошноту.

¹ На урду это имя означает «светлячок».

² Разного рода пшеничные лепешки.

Когда Лаллу было шесть лет, он повсюду следовал за Джугну. Однажды зимним днем, задолго до праздника, братья бежали по кукурузным полям, окружающим их деревню. Созревшая кукуруза выросла такой высокой, что Лаллу не видел Джугну впереди, а только слышал его топотание по полю. В ушах звенело предупреждение *ами* ни в коем случае не пачкать одежду. Из-за всех сил, так, что легкие болели от напряжения, а резиновые сандалии громко и часто шлепали по пяткам, он пытался догнать Джугну, который смеялся и дразнил его, покрикивая.

— Чалло, *яар*!¹

И вдруг услышал, что брат резко остановился, а потом почувствовал запах и, наконец, увидел сточную канаву шириной три фута, полную застоявшейся черной жижи. Мерзкая вонь ударила в ноздри и окутала его со всех сторон. Джугну, замешкавшись лишь на несколько секунд, рванулся вперед, взмыл вверх и перелетел через канаву, выкрикивая на лету ободряющие слова. Лаллу же споткнулся перед пенящейся чернотой, когда мимо проплыла раздутая туша животного. Но Джугну уже стоял на другом берегу, готовый мчаться вперед.

Лаллу отошел назад, чтобы хорошенько разбежаться. Затаив дыхание, он рванул и прыгнул, перебирая ногами в воздухе. Но не долетел, а упал посреди канавы и погрузился в зловонную грязь. Вынырнул, высунул голову наружу и закашлялся. Черная мерзость облепила его, попала и в рот, и в горло. Его

¹ Догоняй, дружище! (*урду*)

вырвало. Джугну закричал, и Лаллу, приоткрыв глаза, увидел тянущуюся навстречу руку брата. Лаллу рванулся к берегу, а Джугну, то дергая, то волоча, вытащил брата на берег. Когда он на четвереньках выбрался на сухую землю, его снова вывернуло. Лаллу попытался вытереть лицо руками, но мерзкая вязкая слизь была повсюду: на волосах, в носу, в ушах, покрывала каждый сантиметр его тела.

Им ничего не оставалось, как идти домой. Это была странная пара: один высокий и долговязый, а другой — маленькое липкое чудовище, за которым тянулась дорожка вонючей грязи. Лаллу ждал, что брат будет насмехаться над ним или хотя бы подшучивать, но тот молчал. Лаллу до боли стискивал зубы, чтобы подбородок не дрожал, и боялся случайно приоткрыть рот и глотнуть еще мерзкой слизи.

Шабнам взглянула на них и вскрикнула, издав что-то среднее между криком и смехом. И убежала, крича:

— Ами, посмотри, что Джугну принес домой!

Мать подошла к двери, накинув на плечо тряпку, держа в руке деревянную ложку, и в ее голосе слышались раскаты грома:

— Это так ты стараешься не пачкать одежду?

Она повела Лаллу в уборную и заставила раздеваться. Он стоял, а мать ведро за ведром выливала на него горячую воду с дезинфицирующим средством, пока наконец липкая черная грязь не начала смываться. Затем принялась сильно тереть его щеткой, все время подливая средство.

Оттирание сопровождала непременная ругань:

— Сколько раз я тебе говорила держаться подалеже от этих сточных канав? Не можешь для игр

найти другое место? В них же полно и дерьма, и навоза, и всякой химии с полей, и Худа¹ знает, чего еще...

— Ами... — попытался ее перебить Джугну.

— Все болезни мира в одном месте, а ты решил туда прыгнуть! А еще там крысы и...

— Да ладно тебе, мам, ты его доведешь, и он начнет блевать при одной мысли обо всем этом. — Джугну, как всегда, перевел гнев матери с Лаллу на себя.

Она повернулась к нему, держа в одной руке щетку.

— А ты вообще молчи. Надо присматривать за младшим братом, а не заставлять его прыгать через вонючие канавы. Ему всего шесть. Он мог сломать ногу. А что я буду делать, если он заболит?

Джугну усмехнулся в ответ.

— Ты бы видела, мам: в канаву упал наш Лаллу, а оттуда выскочил *каале бхут*². Я его даже не узнал. Знаешь, как будто переодевшийся Супермен, — это у Лаллу маскировка такая.

Ами цокнула языком и тряпкой отогнала его с дороги, но все же улыбнулась.

Джугну не растерялся и повернулся к Лаллу.

— Ты ж супергерой, братишка. Мы теперь будем тебя называть *Каале-бхут-мен*. Но с этой маскировкой нужно что-то делать. Она же воняет ужасно!

И даже Лаллу, у которого глаза щипало от унижения после падения и боли от растертой до крови кожи, который знал, что теперь этот запах и привкус

¹ Бог (урду).

² Черный призрак (хинди).

навсегда останутся с ним, даже Лаллу в конце концов рассмеялся. С тех пор Джугну называл его своим *каале бхутом* — маленьким черным чудищем.

* * *

Семья продолжала идти. Они шли мимо бесконечных рядов красных кирпичей, разложенных для просушки в ожидании обжига, мимо осла с торчащими ребрами, металлической цепью привязанного за шею к деревянному столбу. *Бхатти* осталось позади.

Только через час, бредя по пустынной грунтовой дороге, они добрались до кладбища и к тому времени были покрыты слоем красной пыли. Сегодня, как и четырнадцать лет назад, ярко светила полная луна.

Лаллу вел их друг за другом мимо высокого дерева шишам, растущего посреди могилы, мимо канавы, заполненной стоячей водой и мусором, мимо множества надгробий, и вот они дошли до холмика, отмеченного лишь одинокой деревянной палкой. Палка наклонилась до земли. Это могло быть дурным предзнаменованием, а возможно, ее просто сбило дикое животное. Когда Лаллу потянулся за ней, чтобы поправить, вокруг поднялось облачко светлячков — они то тревожно вспыхивали, то гасли. Юноша испуганно поднял глаза, но в следующее мгновение светлячки исчезли так быстро, что, казалось, их и не было вовсе.

Все склонили головы и сложили ладони перед собой в безмолвной молитве. Шабнам достала из пластикового пакета красные лепестки роз и разбросала по могиле. Увидев на высохшей земле эти крас-

ные капли, *ами* вскрикнула и опустилась на колени, словно желая, чтобы земля поглотила и ее. Лаллу не видел ее лица в темноте и был этому рад. Во всем виноват он, ведь это его эгоизм помешал Джугну уйти той ночью.

Бесполезно было приходить сюда. Воспоминания о той ночи врезались в память. Мужчины, собаки, полная луна. Лаллу взял *ами* за руку.

— Ладно, мама, пора идти.

Ее рука была холодной, кожа грубой и потрескавшейся. Мать не двигалась. Он положил руку ей на плечи. Ее тело было таким худым и хрупким, что косточки, казалось, вот-вот сломаются. Он поднял мать на ноги и повел прочь. Шабнам и Пинки последовали за ними вместе с *абу* обратно в *бхатти*. Обратно в хижину, как заключенные в камеру. Град, туман или палящее солнце — завтра им снова придется вставать до рассвета и работать.

Они без слов развернули постели на утрамбованном глиняном полу и легли спать. Лаллу, лежа рядом с родителями, заставил себя не засыпать, пока не услышит размеренный ритм их дыхания. Уже окоченевший от холода, он поднялся и, перебираясь через руки и ноги родных, добрался до дверного проема. В такое позднее время смог становился еще плотнее. Мобильный телефон в качестве фонарика не помогал — даже рук, вытянутых перед лицом, было не различить. Лаллу побрел вперед вслепую.

За хижинкой он опустился на четвереньки, и руки наткнулись на что-то твердое и холодное. Лопата *абу*. Медленно продвигаясь вперед, он нашел птичку. Сжав в ладони холодное тельце, он дошел до ближайшей стены и выкопал неглубокую ямку. Ночь

была тихой и неподвижной, единственными звуками оставались его прерывистое дыхание да стук лопаты по земле. Он засыпал трупик землей, но в хижину вернулся не сразу.

Так происходило каждый год. Весь мир переворачивался, и *абу* убивал воробьев, которых любил Джугну, а Лаллу оказывался один вдалеке от дома, как в ту ночь, когда брата предали земле. Годовщина смерти Джугну была одной из немногих ночей, когда Лаллу спал в хижине родителей. У них не было выбора. Каждый год в эту ночь они все укладывались в той же самой хижине, в нескольких метрах от того места, где четырнадцать лет назад лежало изувеченное, еще не остывшее тело Джугну.

Глава вторая

Семью месяцами ранее

На этот раз на подходе к *бхатти* Лаллу встретил жуткий ослиный рев: животное пронзительно выло от боли и мучений. Шер Хан. Джугну так назвал осла, потому что это жалкое существо совершенно не походило на царя джунглей. Скорее всего, это был даже не тот осел, что и четырнадцать лет назад. Его спину покрывали рубцы и язвы, а вокруг жужжали, не давая покоя, мухи.

В детстве Лаллу так часто засыпал вечерами в слезах, так много дней мечтал вернуться сюда, но теперь каждый раз, когда возвращался, его охватывал тихий ужас. Он-то сбежал, но они все застряли здесь, и с этим ничего нельзя было поделать.

Дымовая труба высоко и гордо возносилась над платформой, под которой обжигались кирпичи. Сбоку выстроились глинобитные хижины, а повсюду высились аккуратные ряды и стопки кирпичей, сохнувших перед обжигом. Солнце уже зашло, но августовская жара не спадала. Ами на улице готовила ужин.

Лаллу не возвращался в *бхатти* с того холодного, мрачного вечера, когда навещал могилу Джугну. Обычно родители старались держать его подальше от *бхатти* — «А вдруг Хира тебя увидит?», — но несколько дней назад *абу* позвал его потому, что

к Шабнам собирались приехать сваты, и сама эта мысль наполнила Лаллу тревогой. Сватовство могло привести к свадьбе, а они сейчас не могли себе позволить ни свадьбу, ни приданое.

— Как дела, мама?

Горела газовая лампа, и в этом свете ее лицо казалось бледным. Мать молча смотрела на него, уголком *дупатты* вытирая пот со лба. Лаллу хотел, чтобы она поговорила с ним. Чтобы поделилась своим сокровенным миром, в который так часто уходила.

Ами почти перестала говорить. Мать его детства ушла в ту ночь, когда погиб Джугну, и больше не вернулась. Она по-прежнему делала все, что нужно. Лепила кирпичи, подметала пол в хижине, готовила ужин, стирала одежду, хотя Шабнам брала все больше обязанностей на себя. Но теперь она почти всегда молчала. Как будто жизнь стала для нее невыносимой, и это был ее способ протеста, способ отстраниться от мира. Лаллу тосковал по той, прежней матушке — энергичной, часто резкой, бойкой на язык и яростно защищающей своих детей.

Иногда ему даже хотелось чем-нибудь разозлить мать — чтобы увидеть ее реакцию, услышать, как она ругает его, словно в прежние времена, ведь тогда стало бы видно: мама все еще любит сына. Но он этого не делал: забот у всех и без того хватало. А из-за Пинки утрата ощущалась вдвойне. Пинки было всего десять лет, она родилась позже и никогда не видела их настоящую мать, ту, которая наверняка была еще жива, просто очень глубоко пряталась в нынешней. Ту, которая с одинаковой яростью оделяла своих детей любовью и гневом. Вот только гневливость *ами* совсем стихла, возможно оттого,

что рядом не было Джугну, вечно отвлекавшего ее ругань на себя, когда мама сердилась на младших братьев и сестер.

Ами обхватила лицо Лаллу грубыми ладонями и прижалась к нему, словно вдыхая его присутствие. Затем, немного жестковато ухватив его за руки, усадила на пол хижины перед собой. Зажала его руки между колен и стала всматриваться в его лицо, словно пыталась найти на нем что-то или кого-то еще. Лаллу же все это время продолжал монолог о своем распорядке, о друзьях, о людях, на которых работал, — о чем угодно, лишь бы прогнать гнетущее молчание ее взгляда. Похоже, мать не слушала слов, сосредоточившись на звуке его голоса. Она напоминала ему тощую черную птицу, которая прыгает на двух тонких лапках, склонив голову и с опасливой настороженностью относясь к окружающему миру.

Он сидел с ами, пока Шабнам и Пинки не принесли кувшины с водой из колодца. И уже тогда достал из кармана камиза подарок.

— Смотри, Шаб, что я тебе принес. — И Лаллу протянул ей пакетик.

Шабнам перестала наливать воду и подошла, вытирая руки о *чадар*, серьга в носу блестела в тусклом свете. Шабнам так мужественно держалась и так много работала, почти без передышки. Неужели сестра обижалась на него за то, что он ушел и оставил ее здесь? Пинки уронила щетку, которой подметала пол, и подбежала посмотреть.

Они вытянули шеи, стараясь рассмотреть брусочек ароматного мыла «Люкс», который брат положил в руку Шабнам. Это было то самое мыло с изображением Махиры Хан, ослепительной звезды Лол-

ливуда, чье лицо смотрело со множества рекламных щитов по всему городу.

— Зачем ты тратишь деньги? Она прекрасно обойдется обычным мылом, как и все остальные, — отругала его *ами* хриплым голосом — голосом, которым она пользовалась так редко.

Ну, наконец хоть какая-то реакция. Хоть какой-то намек на мать, которая у него когда-то была.

— Шабнам говорит, что обычное мыло пахнет ужасно. Я тоже так считаю, — Пинки понюхала пакетик, который держала ее старшая сестра. — *Бхаи*¹, а можно и мне тоже такое?

Прелестная маленькая Пинки так походила на Джугну, что иногда он даже смотреть на нее не мог. Девочка ведь всю жизнь провела в этом ужасном месте. Почему бы не порадовать и ее? Лаллу улыбнулся сестренке в знак обещания принести мыло в следующий раз, но не хотел еще больше раздражать *ами*.

Абу сидел снаружи на *чарпае*, прислонившись к стене хижины, и курил кальян. Лаллу принес ему дымящуюся чашку чая. Протянув за чашкой жилистую руку, отец жестом пригласил сына сесть рядом. Лаллу слушал стрекотание сверчков, вдыхая пьянящий аромат смеси табака и воды и успокаивающее бульканье отцовского кальяна. То был момент тишины: рабочий день закончился, а гости, которых все ждали, еще не приехали, но Лаллу не мог оставить сватовство без внимания. Он чувствовал себя виноватым за то, что нарушил безмятежное чаепитие *абу*, но спросить было нужно.

— Абу, зачем нам делать это именно сейчас?

¹ Брат, братик (*хинди*).

Абу повернулся к нему с удивленным видом:

— *Бета*¹, твоя сестра уже достаточно взрослая. Не стоит больше ждать.

Лаллу глубоко вздохнул.

— Я еще не скопил ни на свадьбу, ни на приданое. — Его жалованье каждый месяц уходило на аренду жилья и еду; оставшиеся деньги он, конечно, откладывал, но их всегда было немного. — Если мы подождем немного, я смогу накопить...

— Нет, мы не можем больше ждать.

— Но чем мы будем платить за свадьбу?

Абу замолчал. Стрекотание сверчков стало громче. Жизнь в *бхатти* сказала на отце. Всякий раз, приезжая в гости, Лаллу чувствовал, что абу выбился из сил, что усталость пронизывает его насквозь. С годами он говорил все меньше, и времени сидеть на *чарпае* и рассказывать истории, как раньше, у него теперь не оставалось. Его кожа цвета древесины розового дерева, сильно загорелая на полуденном солнце, была натянута на скелет туго, как на барабане. Но глаза еще оставались живыми и ясными.

— Мы что-нибудь придумаем, такие вещи нельзя откладывать слишком долго.

— Но это же так дорого, абу, что ты можешь придумать? — Лаллу стало неудобно: отец явно что-то недоговаривал.

Абу хотел ответить, но неожиданно мучительно раскашлялся. Но через пару минут пришел в себя.

— Возьмем ссуду у Хиры, как уже делали раньше.

— У Хиры? — Лаллу был ошеломлен. После всего, что произошло, отец считает возможным сно-

¹ Сынок (*хинди*).

Литературно-художественное издание / Өдөби-көркөм басылым

АИША ХАССАН

КОГДА ТАНЦУЮТ СВЕТЛЯЧКИ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 07.07.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 21,84. Заказ №

Изготовитель:	Өндүрүш:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, к. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдык округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург к.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШК филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-IND-39858-01-R